

О. В. Третьякова

Екатеринбург, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

В РОМАНЕ Н. И. ГРЕЧА

«ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ»

(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ГСНТИ 16.21.27; 17.07.21

Аннотация. В центре внимания находится проблема межкультурного диалога, ее художественное решение в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию», проявляющееся на уровнях субъектной, пространственно-временной, речевой организации произведения.

Ключевые слова: межкультурный диалог; эпистолярный роман; Н. И. Греч; «Поездка в Германию».

Сведения об авторе: Третьякова Олеся Владимировна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

e-mail: treolesja@rambler.ru.

O. V. Tretyakova

Ekaterinburg, Russia

CROSS-CULTURAL DIALOGUE

IN THE NOVEL BY N. I. GRECH

“TRIP TO GERMANY”

(LINGO-CULTURAL ASPECT)

Код ВАК 10.01.01

Abstract. In the focus of the article is the problem of cross-cultural dialogue and its aesthetic solution in the novel by N.I. Grech “Trip to Germany”, which appears on the levels of subjective, space-temporal and speech organization of the text.

Key words: cross-cultural dialogue; epistolary novel; N. I. Grech; “Trip to Germany”.

About the author: Tretyakova Olesya Vladimirovna, Post-graduate Student of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

известен и изучен другой роман Н. И. Греча — «Черная женщина», изданный в 1834 г.). Дебютное произведение писателя не было замечено критикой. Исключение составляет отклик В. Г. Белинского, который весьма доброжелательно отозвался о романе: «Простота происхождения, простота и, вместе с нею, одушевление, игривость рассказа, верность, естественность в картинах, в изображении характеров, прекрасный, образцовый язык — всё это делает „Поездку в Германию“ одним из примечательных явлений русской литературы» [Белинский 1953: 156].

В отечественном литературоведении роман Греча «Поездка в Германию» еще ни разу не становился предметом специального изучения. Краткое упоминание о романе находим в академической «Истории русской литературы», в разделе, посвященном писателям 20—30-х гг. XIX в.: «... реакционный литератор Н. И. Греч издал в 1830 году роман в письмах „Поездка в Германию“, в котором описывал быт обрусевших василеостровских немцев — ремесленников, аптекарей. Греч усиленно восхвалял буржуазно-мещанские „добродетели“ этого круга, с его скопидомством и ограниченностью умственных интересов» [Степанов 1953: 154]. Автор обвиняет «реакционного литератора» в пристрастии к немцам, чьи сомнительные, с его точки зрения, «добродетели» не заслуживают похвалы. Нет необходимости доказывать, что такого рода социологизм в оценке произведения является вчерашним днем литературоведения. К тому же очевидно, что в романе Н. И. Греча главным становится не «восхваление» обрусевших немцев, а, как уже отмечалось, изображение их «нравов и обычаев», ко-

В 1831 г. Н. И. Греч, известный журналист и редактор «Сына отечества», выступил в роли беллетриста, издав эпистолярный роман «Поездка в Германию». Автор обратился к новой, еще не освещавшейся в русской литературе теме, «коснулся струны... еще не тронутой» — «нравов и обычаев петербургских немцев» [Греч 1831: 2]. Быт обрусевших немцев был знаком Н. И. Гречу, имевшему немецкие «корни», о чем позднее он писал в мемуарах «Записки о моей жизни» («В половине XVII столетия несколько тысяч семейств протестантских, преследуемых католическими изуверами, бежали, большей частью, в северную Германию и в Пруссию. В числе их был и прапрадед мой» [Греч 2000: 5]).

Тема нравов петербургских немцев могла найти заинтересованного читателя, хотя бы потому, что немцы в начале XIX в. составляли значительную часть населения северной столицы. И. Озерская, изучавшая историю немецкой колонии в Петербурге, ее роль в развитии городской столичной культуры, отмечает: «... петербургским немцам в это время уже принадлежало особое место среди всего многонародья, населившего „юный град“ Санкт-Петербурга. <...> К концу XVIII века немцы составляли почти половину всех иностранцев, обосновавшихся в российской столице» [Озерская 2003]. Переселяясь в Россию, уроженцы Германии «приносили с собой традиционные для своей родины формы общественной жизни, бывшие новым и необычным явлением для российской среды» [Купина, Хомяков 2005: 22], что и стало предметом внимания Н. И. Греча.

«Поездка в Германию» оказалась забытой страницей в истории русского романа (более

торых они придерживаются в «чужой» для них национальной и культурной среде. Поэтому Греч не мог не коснуться проблемы, которая на современном языке обозначается как проблема толерантности. Утверждение идеи толерантности как терпеливого отношения не только к чужой вере, но и терпимости ко всему чужому, готовности сосуществовать с ним определяет пафос романа. Рассмотрим, как идея толерантности воплощается в романе «Поездка в Германию», какие языковые средства «работают» на ее выражение.

Роман Н. И. Греча состоит из писем главного героя, Дмитрия Мстиславцева, которые он посылает из Германии (куда отправлен по долгу службы) другу. В корреспонденциях Мстиславцев описывает свое путешествие, города Германии, нравы немецких жителей, отмечая особенности царящей в каждом из городов атмосферы. Фридеберг за его идеальное устройство общественной жизни Дмитрий Мстиславцев назовет «идиллическим миром». Герой с нескрываемой симпатией рассказывает, как проходит торжество по случаю пятидесятилетнего юбилея службы почтмейстера города, какие почести ему оказываются: «Поутру, в день юбилея, старик просыпается при звуках городской музыки, собравшейся у него под окнами. Лишь только он встанет, являются градоначальник, все чиновники, пасторы, почетнейшие граждане и поздравляют его. Двенадцать девиц, в белом праздничном платье, подносят ему цветы...» [Греч 1831: 15]. Семидесятилетнему почтмейстеру благодарят за труд на благо города, государства. «Трудолюбие, исправность, честность и бескорыстие здесь, в Пруссии и Германии, не так редки, как в других странах». Здесь «с человеком, который поступил противозаконно, который позволил бы подкупить себя... никто не станет обходиться, и он принужден будет не только выйти в отставку, но и переселиться в другой город» [Греч 1831: 16]. Все это вызывает уважение героя романа к немцам. В России же, как с сожалением замечает Мстиславцев, «наказание за взятки и тому подобные случаи, считаются несчастьем, таким, как, например, паралич, глухота и т. п., и подвергшийся преследованию законов возбуждает не досаду или презрение, а самое нежное соболезнование» [Греч 1831: 43].

Берлин вызовет у героя иное впечатление: «... город правильный чистый, но в новой его части (Фридрихштате) все что-то форменное, шеренговое. Улицы прямые, дома высокие, однообразные». Зато «старый город построен неправильно: улицы узкие, кривые; дома разнообразные; но в этой постройке видна немецкая национальность, и она мне нравится». Старая часть Берлина милее Мстиславцеву, потому что она хранит в себе историю, то, что принадлежит народу «искони, дано ему самую природу» [Греч 1831: 37, 38].

Франкфурт герой назовет «большой гостиницей», состоящей из «множеств отделений»

(«Всяк, кто едет из Франции или во Францию, с юга Европы на север, с запада на восток, редко минует Франкфурт»). В этом «подвижном» городе, в котором «ежедневно встречаются новые лица» [Греч 1831: 110], все основано на расчетах. По улицам разъезжают «ходячие сундуки» — банкиры. Во Франкфурте, по наблюдению Мстиславцева, господствует «превратное понятие о правах»: на учтивое замечание полицейского в адрес некоего «знаменитого мужа», вздумавшего «ломать сучья прекрасных лип», последний спесиво возразит: «... я член законодательного сословия, имею право составлять уставы для целого государства нашего, и не смею сломать прутика с дерева!» [Греч 1831: 114, 115]. Образ Германии предстает в романе как внутренне неоднозначный. Главный герой видит как достоинства немецкой нации, так и то, что, с его точки зрения, является недостатком. Однако о последнем говорит он без неприязни, стремясь дать объективную оценку увиденному, постоянно сравнивая особенности немецкой и русской культур.

Время путешествия составляет фабульное время романа, художественное же его время шире фабульного, поскольку включает прошлое, воскрешаемое в воспоминаниях Мстиславцева о возлюбленной Луизе Миллер, ее семье петербургских немцев. Мстиславцев рассказывает в письмах другу о том, как он познакомился с Миллерами, стал частым гостем в их доме и, наконец, встретился там с Луизой. Герой описывает быт, нравы Миллеров, отмечая особенности речи членов этой семьи, приводя нередко немецкие слова, которые трудно перевести на русский язык, и давая им свои пояснения («*Rlatfcrj, Flatfcrjen, Rlatfcrjeren* — <...> Это означает болтовню, пересуды, сплетни, ограничивающиеся вздором и пустяками...» [Греч 1831: 140]).

Поскольку Миллеры — наиболее значимые в судьбе главного героя персонажи, речевая манера каждого из них (Фризеля, Карла Миллера, Марьи Ивановны и других) индивидуализирована. Так, Фризель, знающий анекдоты на все случаи жизни, часто иллюстрирует ими то, о чем говорит («... накладно знакомиться коротко с нашим братом. Это напоминает мне анекдот о Фридрихе Великом, когда он увиделся с знаменитым врачом Циммерманом: „Так видно я очень болен, что вы меня посетили!“ — сказал он»; «„Я исполнил свой долг!“ — отвечал я. „Долг! долг! *mein lieber*, батюшка! Это напоминает мне анекдот об одном покойном приятеле, который говорил, что слово „долг“ есть то же, что долгий ящик» [Греч 1831: 79]).

В русскую речь членов семьи Миллер нередко «вплетаются» немецкие слова. Например, в разговоре Карла Миллера с Мстиславцевым встречаем: «Померания, что мы, немцы, называем: *mif Grlaubni gu fagen Binfer Dommern*»; «„Дмитрий Сергеевич, не знаю, как по-русски выразиться — *reditfcrjaffen*. — Это зна-

чит...“ „Я понимаю и по-немецки!“ — отвечал я ему» [Греч 1831: 81].

Марья Ивановна Миллер строит свою русскую речь с грамматическими ошибками, что выдает национальную принадлежность: «Поди, Карлинька, в кухню... и вымой себе руки: ты выглядишь, как трубочист с своими черными пальцами. Да скажи Авдотье, чтобы приготовила чайной воды и взяла прочь этот стул; у него ножка на два разломилась» [Греч 1831: 83]; «Когда отец опять услышит ее играть и петь, тогда еще более заупрямится». Пересказывая в письме Левадину историю семьи Миллер, поведанную ему Марьей Ивановной, Дмитрий Сергеевич говорит ее словами: «Отец хотел было, чтоб старший сын учился Богословию, но не имел средств на отправление его на университет...» [Греч 1831: 82]; «... желали мне счастливо воротиться домой...» [Греч 1831: 89].

Речь членов семьи Миллер не просто характеризует их, как и других персонажей романа. В этом полурусском-полунемецком слове отражена главная особенность обрусевших немцев — соединение в их восприятии двух культур: «своей» по национальности и «чужой» по месту проживания, но также ставшей «своей». «Обрусевшие» немцы переводят на русский язык свои имена. Так, Фризеля «по-русски зовут Иваном Ивановичем»; «Карл и Христиан остаются в своей силе, но Августа нередко крестят в Евстафия; Магнуса в Максима или Матвея; Густав — Кузьма; Амалия — Пелагея; Флорентина — Вера и т. д.» [Греч 1831: 102].

Немецкие слова «приживаются» на русской почве. Марья Ивановна Миллер в разговоре с русской служанкой вставляет немецкие слова, и та понимает хозяйку: «„Ты не подала шпилькумки?“ „Тотчас сударыня!“», — отвечает Авдотья. „Это что? — подумал я. — Видно, слово русское, когда Авдотья понимает“ Очень любопытно было мне знать, какая вещь так называется, и вдруг вижу, приносят полоскательную чашку» [Греч 1831: 84]. В. В. Виноградов, изучая судьбу заимствованных в русском языке слов, обратил внимание на употребление в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию» глагола «выглядеть», характерного в 1830-е гг. для речи петербургских немцев-ремесленников. Позднее, как пишет исследователь, слово с этим значением — «иметь вид» — укрепилось в широком кругу Петербурга, затем и в системе русского языка [Виноградов 1994: 168]. Герой романа отмечает и русские слова, которые, в свою очередь, «полюбились» петербургским немцам: «... таково слово „пожалуй“, которое очень часто слышишь в немецкой беседе: *Jch mill pofcnaui mitgcnen*, и т. п.» [Греч 1831: 101].

Мстиславцев не случайно привязывается к Миллерам: его отец был русским, а мать немкой («Ты опять станешь упрекать меня в пристрастии к немцам. Брани, но выслушай. Моя добрая мать, первый мой друг и благодетель-

ница в мире, была немкой...» [Греч 1831: 54]). Герой, прекрасно владея, как видно из его писем, русским языком, свободно говорит и по-немецки. Будучи русским по мироощущению и образу жизни, Мстиславцев вместе с тем не воспринимает немецкую культуру как «чужую», представителей немецкой нации — как «других», чуждых ему людей. Это позволяет ему сформулировать свое представление об особенностях русского и немецкого характеров, отметив как сильные, так и слабые их стороны: «Русские — народ по превосходству воинственный: они спартанцы или, лучше сказать, римляне новых времен. Что требует силы, сметливости, пламенного пожертвования, минутного исполнения, что обещает и непосредственную награду — все это прельщает и занимает русского. <...> Немец, напротив того, рассудителен, терпелив, хлопотун...»; «...у немцев необыкновенная способность, выражаемая глаголом *profitiren*. Это значит пользоваться всеми незапрещенными средствами к приобретению, и от этого происходят в них мелкие попечения о житействе, препятствующие порывам великодушия и самопожертвования» [Греч 1831: 101].

В Луизе Миллер, как считает Дмитрий Мстиславцев, наиболее гармонично сочетаются как русские, так и немецкие черты. «Русским чувством» в Луизе Мстиславцев называет патриотизм. Дмитрий Сергеевич вспомнит, как Луиза рассказывала ему о горящей Москве: «Глаза Луизы засверкали и вскоре наполнились слезами. — „Нет нашей Москвы“, — сказала она с глубоким чувством, — где я провела счастливые годы молодости, там теперь кучи пепла, следы грабежа и убийства!“» [Греч 1831: 132]. Перед лицом войны и русских, и немецких петербуржцев охватывает «общее горе», они становятся представителями одного народа, одинаково сильно тревожась за судьбу России («Все чувствовали, мыслили, как один человек, а это единство мысли и чувства и составило нашу народную силу» [Греч 1831: 127]).

Казалось бы, Карл Миллер является яростным приверженцем протестантской религии («...пристрастие оказывает он к протестантской религии, ко всем ее обрядам, повериям и даже обыкновениям, сопряженным с некоторыми обрядами. Я думаю, он развелся бы со своею доброю Марьей Ивановной, если б в Великий Четверток (называемый у немцев *Gründonnerstag*) не было на столе крапивного супу...» [Греч 1831: 92]). Но в христианский праздник Миллер, как пишет Мстиславцев, «по-русски похристосовался со мной, и даже позволил это всем домашним» [Греч 1831: 99]. Размышляя о том, за кого могла бы выйти замуж старшая дочь, Карл Миллер на предположение жены о том, что Луиза может обручиться с русским, твердо говорит: «Чтобы мои внуки были русские, чтоб они говорили не по-немецки! Да я прокляну ее и весь род!» [Греч 1831: 178]. Однако, поняв, что Луизу и Дмитрия Мстиславцева

связывают истинные, глубокие чувства, Карл Миллер дает свое согласие на их брак.

Н. И. Греч в романе «Поездка в Германию» изобразил субъективные миры пишущих героев, являющихся носителями как русской, так и немецкой культур, органично связавшими их в своем сознании. Идея межкультурного диалога получает выражение в произведении и на лингвистическом уровне, определяя особенности речевой организации романа, что проявляется в органичном включении в русскую речь немецких слов и оборотов, деликатном и уважительном их комментировании.

ЛИТЕРАТУРА

Бахмутская Е. В. Немцы в России. URL: <http://www.genrogge.ru>.

Белинский В. Г. Сочинения Николая Греча. Статьи и рецензии 1836—1838. Основания русской

грамматики // Белинский В. Г. Полное собр. соч.: в 13 т. — М., 1953. Т. 2.

Виноградов В. В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Институт русского языка РАН; под ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1994.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М., 2000.

Греч Н. И. Поездка в Германию. — СПб., 1831.

Озерская И. Гамбургский счет. Что немцу хорошо, то петербуржцу тоже // Российская газета. 2003. 17 мая. № 93.

Степанов Н. Л. Прозаики двадцатых— тридцатых годов [XIX век] // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л., 1953. Т. 6.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / под ред. Н. А. Купиной, М. Б. Хомякова. — М., 2005.

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и проф. С. И. Ермоленко